

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ

РАЗГОВОРЫ.

— Гдѣ же весна?

— Вѣроятно у одного Шубина-Поздѣва. Въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли онъ всего какихъ-нибудь три-четыре года назадъ даже только мечтать о томъ, что онъ когда-нибудь выставитъ себя кандидатомъ въ петербургскіе городскіе головы?

— Ахъ, милочка, выставитъ себя кандидатомъ не трудно... но на вѣки такъ кандидатомъ и остаться—очень легко...

— Такъ, такъ. А я, между прочимъ, имѣла въ виду не эту весну, а настоящую. Попадѣлась за предсказанія нашихъ астрономовъ, что нынѣшняя весна идетъ усилен-

нымъ темпомъ, и даже рамы выставила, а весны-то и нѣтъ.

— Можетъ быть поэтому-то какой-то чутникъ и пустилъ слухъ, что вѣрнѣйшимъ кандидатомъ на постъ городского головы является извѣстный астрономъ, кн. Б. Б. Голицынъ...

— Какая тутъ связь? Не понимаю...

— Очень ясная. Если гг. астрономы умѣютъ дѣлать весну у себя въ обсерваторіи, такъ пускай, молъ, вѣннѣйшій изъ нихъ попробуетъ сдѣлать ее въ нашей городской душѣ.

— Ха-ха-ха! У этой шутки могло быть еще и другое основаніе...

— А именно?

— Стародумцы, которые раньше главенствовали, предпочитали всему остальному

«синицу» въ рукѣ, а обновленцы, какъ по всему видно, хотятъ искать журавля въ небѣ. Для такой цѣли, конечно, болѣе всего пригоденъ астрономъ.

— Можете успокоиться. Князь Голицынъ не будетъ городскимъ головой. Онъ только что назначенъ начальникомъ Николаевской обсерваторіи.

— Эхъ, еслибы отъ меня зависѣло, я бы начала, кого посадить въ городскіе головы.

— Кого-же, интересно знать?

— Конечно, кого-нибудь изъ членовъ все-російскаго дворянскаго съезда. Онъ-бы имъ показалъ.

— Напр., Пуришкевичъ?

— Тоже недурно. Но тамъ есть кое-что, поталуй, и почище. Напр., московскій адвокатъ Шмаковъ. Хотя онъ и присяжный по-

вѣренный, а душа у него—истинно фельд-фельска, да при томъ еще, этакъ, николаевской эпохи. И придумалъ-же онъ для печати рядъ скоріоновъ! Даже судъ придумалъ для газетчиковъ совсѣмъ особенный. Не обыкновенный, коронный судъ, и не судъ присяжныхъ, а судъ какихъ-то особыхъ представителей, выбираемыхъ изъ «благонадежныхъ элементовъ».

— Эти «благонадежные элементы», конечно, должны быть выбираемы изъ единомышленниковъ гг. Шмаковыхъ и Коми?

— Ну, конечно. Или, напр., изъ стражниковъ, тюремныхъ надзирателей, бывшихъ интендантовъ, уличенныхъ въ казнокрадствѣ, проворовавшихся кассировъ и т. п. элементовъ, имѣющихъ серьезныя основанія быть недоверчивыми печатью.

— Хорошій законопроектъ! Тѣмъ не менее, я нахожу изложенныя въ немъ мѣропріятія половинчатыми.

— Да что вы?!

— Да, да... Если ужъ вѣстать на точку зрѣнія г. Шмакова, то слѣдовало-бы для убѣжденія проектированнаго имъ зданія поступить такъ: какъ только кто-нибудь изъявилъ желаніе быть издателемъ, редакторомъ или сотрудникомъ газеты или журнала, немедленно сажать его въ тюрьму. Во-первыхъ, это да-ло-бы возможность, кому слѣдуетъ, предупредить появленіе въ печати зловредныхъ статей, такъ какъ извѣстно, что всякое письменное сношеніе арестантовъ съ внѣшнимъ міромъ возможно лишь послѣ просмотра написаннаго прокуроромъ. Такимъ образомъ это, съ одной стороны, не было-бы возстановленіемъ предварительной цензуры, ибо такой порядокъ существуетъ для всѣхъ арестантовъ одинаково, а съ другой стороны все-таки было-бы...

— Очень хорошо!.. Ну-съ, а во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, заблаговременное размѣщеніе издателей, редакторовъ и сотрудниковъ по арестантскимъ камерамъ лишило-бы ихъ возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда. Сами посудите, какая получилась-бы экономія времени и силъ у правительственныхъ органовъ, вынужденныхъ теперь «тратиться» на розыски и доставку «крамольниковъ» печати...

— А какъ вы полагаете, они тамъ, на своихъ дворянскихъ и прочихъ съѣздахъ, до этого не додумаются?

— Очень можетъ быть, что и додумаются. Какъ говорится, «лиха бѣда—начало», а тамъ ужъ пойдетъ, какъ по маслу...

— Люблю этихъ гастролеровъ въ области ежовыхъ рукавицъ. Они всегда что-нибудь этакое внезапное скажутъ. Совсѣмъ, какъ щедрипская «Иппошка».

— Ну, положимъ, бываютъ гастролеры и въ особенности, гастролерши совсѣмъ изъ другого міра, которые тоже отличаются этой самой «внезапностью».

— Кто-же, напримѣръ?..

— Напр., нѣкая актриса Гондлатти, Богъ вѣсть, откуда взявшаяся. Внезапно пріѣхала въ Петербургъ со своей труппой, точно Сарра Бернаръ или Дуза, внезапно пожелала слать экзаменъ на вакантное мѣсто Комиссарженской и до того «внезапно», съ позволенія сказать, «истолковала» сперва Дикарку, потомъ Розю, затѣмъ Нору и, наконецъ, Заза, что съ однимъ театральнымъ рецензентомъ, какъ говорятъ, чуть не приключился апоплексическій ударъ.

— И, значитъ, она также внезапно провалилась?..

— Провалилась-то, провалилась, но ужъ не внезапно, а очень даже «запно».

— Ха-ха-ха!.. Говорятъ, что она во всѣхъ роляхъ такъ неистово кричитъ на сценѣ, что кто-то, будто-бы, предложилъ ей переимѣнить фамилію на псевдонимъ: «Галдати». Отъ глагола «галѣбть»...

— Совсѣмъ пріемлемый. Однако, мнѣ пора. До свиданія, милочка...

— Всего хорошаго, душечка!..